

Предисловие

Наконец-то! Любимый всеми литературный памятник — *Катазан*, всемирно известный и читаемый уже на 68 языках народов мира, — выходит в русском оригинале!

Сравнимый по значимости с «Капиталом» Маркса и «Руководством по вязанию», *Катазан* необходим сегодня каждому! Необходим — чтобы послушать острой приправой и к первому, и ко второму...

Теперь — об истоках. Жемчужины *Катазана* рождались в сердцах и на устах, конкретные же авторы неизвестны. Даже имя составителя до нас не дошло. Устное предание говорит, что, перейдя от первой жены сразу к третьей, минуя вторую, — составитель сильно запил и потому не завершил свой труд.

Ставить точки над «i» и «ё» пришлось немецкому филологу, профессору славистики д-ру Гансу Хазе (см. Приложение).

О том, что идеи и образы *Катазана* завладели умами задолго до его публикации, свидетельствуют такие всем понятные выражения, как: *курго́во, гыкец, катазанить, кургобред, курговáя порука, какая гыкость!* — и многие другие...

Ну, а время формирования *Катазана*? Начало его теряется в глубине эпох и восходит, быть может, к первым шагам Человека Разумного...

На сём умолкаем и предоставляем слово Первоисточнику. Перефразируя известного поэта, — «Ваше слово, товарищ... *Катазан!*»

Введение

Наш любимый Катазан,
Драгоценный Катазан!
Сразу видно по глазам –
Кто читает Катазан!

Там, где дико, – Катазан!
Хохот, крики – Катазан!
Где плетут из лаптя лыко, –
Там, конечно, Катазан!

Дурь на лице – Катазан!
Смех великий – Катазан!
Где живут Курга и Гыка –
Там, конечно, Катазан!

Что за книга – Катазан!
Яркость мига – Катазан!
Радость дня на самом пике –
Вот что значит Катазан!

Наш любимый Катазан!
Драгоценный Катазан!
Сразу видно по глазам –
Кто читает Катазан!

Тема коренная

Стару веру берегу:
Верю в Гыку – и в Кургу!
(Из «Курговых медитаций»)

Белый пароход

– Кургочка, мне странно это, –
Гыка говорит, –
Ни ответа, ни привета,
Миллион обид.
Совершенства в мире нету,
Лишь позор и стыд:
Стал бы я звездой балета,
Да живот болит!

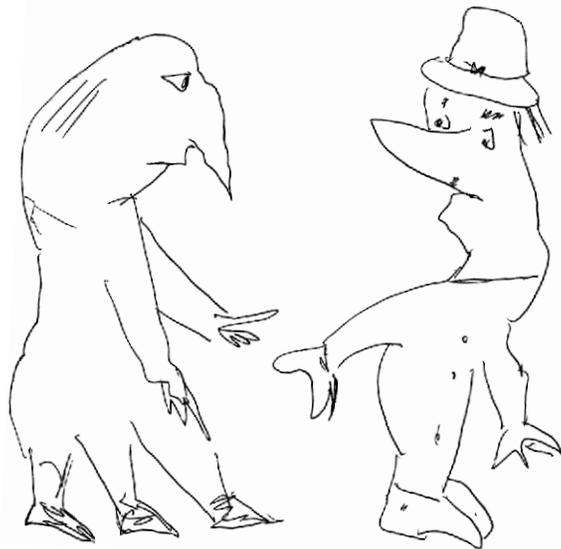
Где же этому начало?
Сам ты посуды:
Море выло и мычало
С пулею в груди,
Но никак не получало
Пропуск: «Проходи!»
Кресло старое торчало
С дыркой посреди.

В нём сидел Иван Иванович
Лет так тысяч пять:
Всё снимал кальсоны на ночь —
И не мог их снять.
Ни один бы иностранец
Не сумел понять,
Отчего Иван Иванович
Их не может снять?

Оттого он снять не может,
Что страшится он
И его сомненье гложет
Веку испокон:
Если снимет их и сложит,
Погружаясь в сон, —
Может, кто-то уничтожит
Блеск его кальсон?

Может, море их истреплет,
Буря разорвёт,
Или их охватит трепет
И умчит в полёт,
Иль Сирен прекрасных лепет
Вдаль их позовёт,
Иль из них надежда слепит
Белый пароход?

И всё снится, не кончаясь,
Тот же страшный сон:
Пароход плывёт, качаясь,
Слеплен из кальсон!
Так сидит он, омрачаясь
Сердцем и челом,
То спустив, то облачаясь
Снова, как в былом!

В этом корень наших бедствий,
Здесь его ищи!
Это выучил я в детстве,
Поедая щи:
Целясь в сущность соответствий,
Словно из пращи,
Жар причин и холод следствий
Знай – и не ропщи!

В нашей академии

И
Ни секунды времени –
Всё крутись, беги –
В нашей академии
Имени Курги!

II

Не видать средь темени,
И в глазах круги —
В нашей академии
Имени Курги!

III

Одна нога в стремяни,
А другой беги —
В нашей академии
Имени Курги!

IV

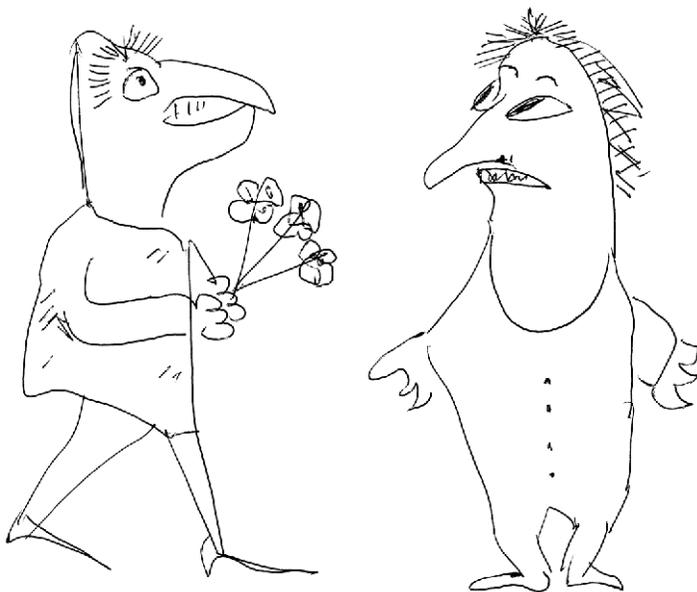
Нам не дали премии,
Влезли мы в долги —
В нашей академии
Имени Курги!

V

Люди злого племени,
Кровные враги —
В нашей академии
Имени Курги!

VI

В коридорах — демоны
И бабы-Яги

В нашей академии
Имени Курги!

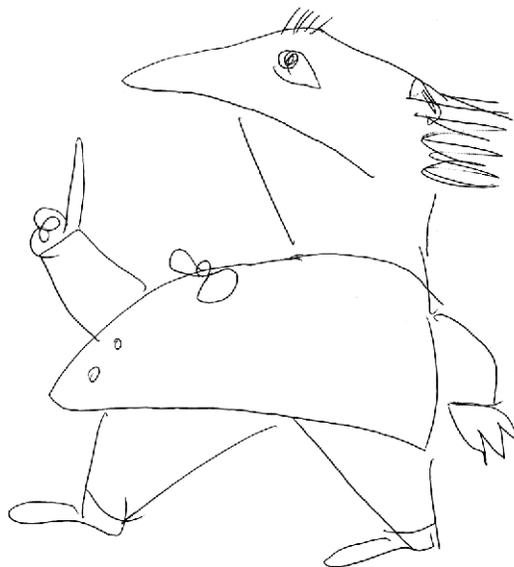
VII

Дали нам по темени,
Вы... шибли мозги —
В нашей академии
Имени Курги!

Протокол о рыбе

Летним утром у реки
Собирались рыбаки,
И сошлись на мосту,
И словили рыбу ту:
Кто? —

Землемер Кузьма Макарыч,
Инженер Макар Захарыч,
Джентльмен* Захар Фомич,
Старый хрен Фома Кузьмич!

* Устаревшее понятие; в современном обиходе — «бизнесмен». (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания из *Толкучки* — свода авторитетных толкований к *Катазану*.)

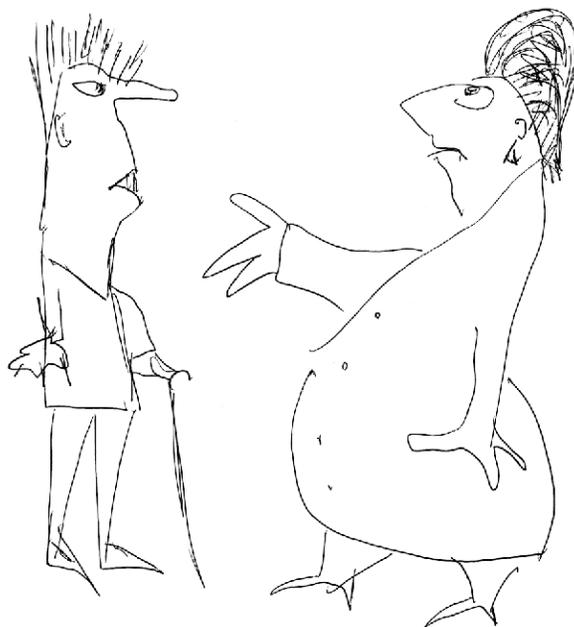
Сдали рыбу как сырьё,
Повар выварил её,
И в столовую явились,
И той рыбой отравились:
Кто? —

Землемер Кузьма Макарыч,
Инженер Макар Захарыч,
Бизнесмен Захар Фомич,
Старый хрен Фома Кузьмич!

Вскоре, выйдя из больницы,
В суд решили обратиться;
Суд расселся по местам,
Громче всех кричали там:
Кто? —

Землемер Кузьма Макарыч,
Инженер Макар Захарыч,
Бизнесмен Захар Фомич,
Старый хрен Фома Кузьмич!

Встал судья, сказал судья:
— Я спрошу: а рыба — чья?
Четырьмя она ловилась,
Все четыре отравились:
Кто? —

Землемер Кузьма Макарыч,
Инженер Макар Захарыч,
Бизнесмен Захар Фомич,
Старый хрен Фома Кузьмич!

Чтобы впредь народ был здоров,
Лишены рыбацких прав:
Кто? –

Землемер Кузьма Макарыч,
Инженер Макар Захарыч,
Бизнесмен Захар Фомич,
Старый хрен Фома Кузьмич!

Обновление

Нет ни Гыки, ни Курги,
Никого такого,
Даже думать не могли –
Всё сегодня ново!

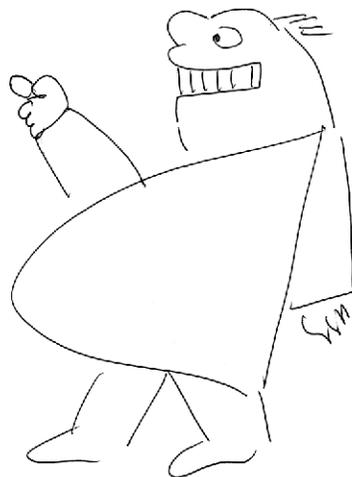
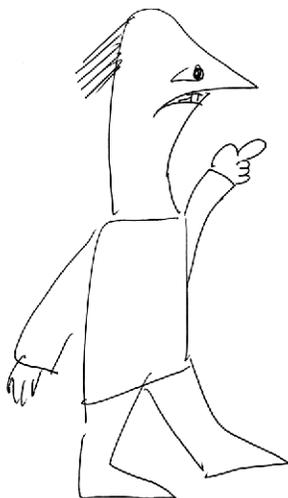
Обновился весь наряд
Города родного,
Обновилось всё подряд –
Всё сегодня ново!

Листья новые висят
На весеннем клёне,
И по-новому гласят
Новые законы,

Всем прощаются долги,
Спали все оковы —
Нет ни Гыки, ни Курги,
Никого такого!

Прохожу я над рекой —
Стало всё иначе!
И от новости такой
И смеюсь, и плачу,

Окрылён судьбой благой,
Радостью великой...
А навстречу мне... с Кургой
Ковыляет Гыка!

Бородки и усы

Жизни путь довольно длинен,
Чтобы мы узнать смогли:
Чем же, всё-таки, Калинин
Отличился от Твери?

Тверь — есть город над водой,
В нём и труд и шалости;
А Калинин с бородой —
Всесоюзный староста!

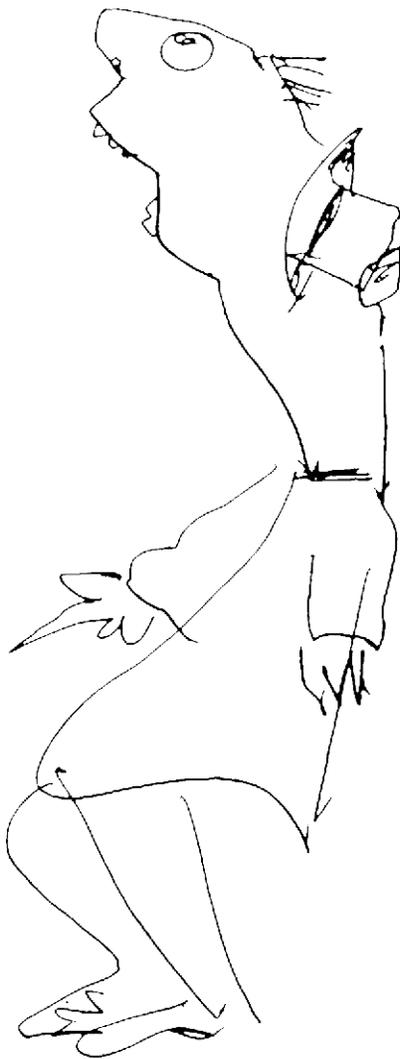
А вернее, он с бородкой,
Красен партбилет его, —
Если б жизнь была короткой,
Мы б не знали этого!

Жизни путь для мозга ценен,
И теперь понять пора:
Чем же так товарищ Ленин
Отличился от Петра?

Ленин — с маленькой бородкой,
Лысоват, в веках живёт...
Пётр — обзавёлся лодкой
И создал российский флот!

А вернее он — с усами,
Он такой у нас один.
Мы б не догадались сами,
Если б не было картин!

А теперь кричи: «Ура»!
Нам запомнить велено:
Тот же город у Петра,
Тот же — и у Ленина!

Тема пристяжная

Коромыслин

Вот взбурлили весенние мысли
И приблизился радостный сев:
«Время – деньги!» – сказал Коромыслин,
На краю водоёма присев.

Но когда уже тучи нависли
И на жатву собрался народ, –
«Буги-вуги» – сказал Коромыслин,
И поплыл по поверхности вод.

Нога

Деревья двуноги тоже,
Но только нога одна
Совсем ни на что не похожа,
И потому не видна.

Они её в облаке прячут,
И множество лет подряд

На одной ножке скачут,
А всё же крепко стоят!

Зато у них войн не бывает,
Зато у них нет врага:
Им благостно сверху кивает
Заоблачная нога!

Полушария

Где-то рядом било-хлопало,
Стёкла вышибло мячом:
У Филиппа Жуехопова
Зазвенело кое-в-чём.

От вопросов нерешаемых
Зазвенело у него
Вдруг в обоих полушариях...
Полушариях – чего?

Чьи-то окна разбиваются?
Хорошо! Но стёкол жаль...
И Филиппу открывается
Очень двойственная даль.

В ней понятия обветшалые –
Супу скисшему родня...

Думать надо – полушарьями,
Полушарьями двумя!

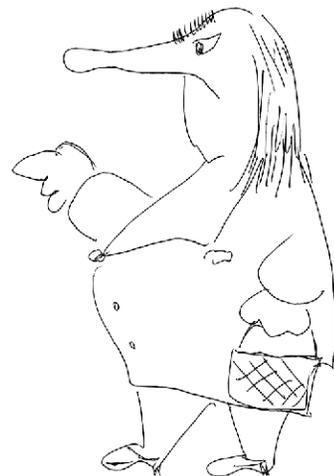
Сгиньте, словеса Эзоповы!
Хором, все за одного,
Вопрошают Жуехоповы:
«Полушарьями – чего?!»

Косточки и зёрнышки

Здесь все свои как будто в досточку,
И утверждают неспроста:
«Не ешь ты яблочные косточки –
Синильная в них кислота!»

Но взором врач пронзил до донышка,
Взглянул и проревел, как лев:
«Ты кушай яблочные зёрнышки –
В них сила яблочных дерев!»

Мне огорчать друзей не хочется,
Но и к врачу доверье есть:
В помойку – яблочные косточки!
А зёрнышки – разгрызть и съесть!..

Наркоман и Наркомпрос*

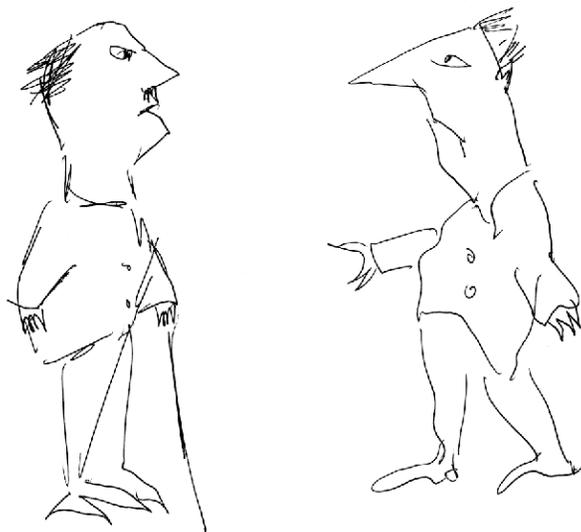
Наркоман и Наркомпрос
Вместе сеяли овёс.

Вдруг воскликнул Наркоман:
«У меня в башке туман!
Сам сей, сам сей
Ты овёс ничтожный сей!»

Наркомпрос и Наркоман
Вместе лазали в карман.

Вдруг воскликнул Наркомпрос:
«У меня заложен нос!
Лазай сам, лазай сам
По карманам и часам!»

Наркоман и Наркомпрос
Вместе ставили вопрос.
Вдруг воскликнул Наркоман:
«Это всё – сплошной обман!
По карманам сам ты шарь,
И вопросы сам решай!»

* Должность, существовавшая в первые годы советской власти.

Котлета*

Спросил я у клерка:

— Что у тебя в тарелке?

В тарелке, в тарелке,
Лежит в тарелке у тебя?

— Свиная, свиная,
Свиная отбивная,
Свиная котлета
Лежит в тарелке у меня!

Спросил я: — А что ты,
Когда придешь с работы,
Что станешь ты делать
С котлетой этой отбивной?

— Что стану я делать?
Я буду ей обедать,
Я буду обедать
Своей котлетою свиной!

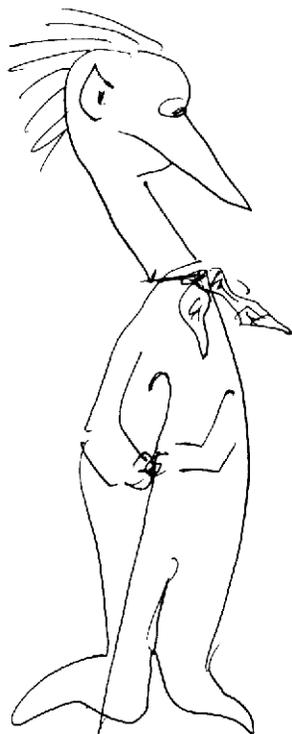
Спросил я у клерка:
— А как же быть с тарелкой?

Узор на тарелке
Красивый, синий я люблю!

А он мне на это:
— Едва доем котлету,
Тарелочку эту
Я тотчас об пол разобью!

* Поётся на известный мотив.

Спросил я:

– А сколько
Останется осколков?
Ужель те осколки
Валяться будут на полу?

– Осколочки эти
Я запеку в котлете,
И завтра на завтрак
Подам директору к столу!

– Да как же ты можешь?!
Его ж ты уничтожишь,
И будешь тогда ты
Большая жирная свинья!

– Директор наестся –
Освободится кресло,
Займу его место –
Тогда директор буду я!

Спросил я у клерка:

– Что у тебя в тарелке?..

Людогусь

– Послушай, брат мой Людогусь,
Когда мы кончим притворяться?
Дела столь странные творятся,
Что просто действуй – и не трусь!

– По-моему, наоборот:
День ото дня мрачнеют лица,
И надо глубже затаиться.
Вот так-то, брат мой Птицекот!

Психоанализ (диптих)

I.
Зигмунд Фрейд,
Зигмунд Фрейд
Собрался в опасный рейд:
Не видать в пути ни зги –
Где тут что́, а где мозги?!

II.
Свои неврозы дядя Зига
Лечил-лечил, а вышла – фига.
Тогда он выставил невроз
На восьмиградусный мороз!

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)